

Демон для монашки

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Саша Бездушная

18+

Саша Бездушная

Демон для монашки

<https://litres.ru/74058596>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Она — монашка с дробовиком, армейскими берцами и тату «ХАЛК» на бицепсе. Он — падший ангел с лицом греческого бога и тоской в глазах. Вместе они охотятся на демонов, спасают идиотов от одержимости и жгут ковры с оленями. Только вот демон не может убить монашку, потому что его жизнь привязана к её пульсу — чихнёт она, у него сосуды лопаются. А если умрёт — превратится в статую из соли. Теперь Азазель таскает бензин, мечтает о кокосовом шампуне и узнаёт, что такое твёрдые чётки. Дерзко, грязно, нецензурно и очень смешно. Библию не предлагать — она уже пошла на растопку»

Монашка. Демон-красавчик на поводке. Святая вода в патронах. И один очень нервный Азазель, который теперь вынужден спасать людей, потому что хозяйка умрёт — и он соль. «Дьявольский блюз» в пересказе сестры Рэйвен. 18+. Содержит сцены насилия над демонами, чесночный багет и неуместный романтический подтекст.

Содержание

Глава 1. Начало	4
Визуалы	14
Глава 2. До того, как мир пошёл по одному месту	17
Визуалы	25
Глава 4. Правила общежития	27
Глава 5. Цель	31
Глава 6. «Леруа Мерлен», отдел сантехники или кот, который слишком много знал	34
Глава 7. Ревность, которую никто не признает	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Саша Бездушная

Демон для монашки

Глава 1. Начало

Сестра Рэйвен не носила кружевные трусы. Она вообще не носила ничего, кроме грубой рясы, армейских берцов и нательного креста, который жёг кожу даже сквозь ткань. За её спиной — двуствольный дробовик со святыми водами в рожках. В левой руке — Библия с вырванными страницами, куда она записывала имена демонов. В правой — поводок.

На другом конце поводка, понуро перебирая длинными пальцами с идеальным маникюром, шёл Азазель.

Азазель был красив той запретной красотой, от которой монашки в Средневековье коллекционировали бы обмороки. Тощие джинсы, шелковая рубашка, расстёгнутая до солнечного сплетения, челюсть как у греческого бога, а глаза — чёрные дыры, в которых даже свет умирал с чувством выполненного долга. Сейчас в этих глазах читалась глубокая, экзистенциальная тоска.

— Рэйвен, — сказал он мурлыкающим баритоном. — Мы могли бы просто зайти через парадный вход. Как цивилизо-

ванные существа.

— Заткнись, Азик, — рявкнула монашка, выбивая дверь квартиры на пятом этаже. Дверь вылетела вместе с куском стены. Соседка снизу, женщина лет шестидесяти, перекрестилась и налила себе коньяку. Уже второй за сегодня. Это был такой район.

Внутри воняло серой, прогорклым жиром и отчаянием. На потолке, прикрученный скотчем к люстре, висел мужчина в трусах-семейниках и блевал чёрной жижей. Вокруг летали тарелки. Не сами — их гонял мелкий бес, похожий на ожившую мочалку с крыльями летучей мыши.

— Господин Вертидус! — громогласно объявила Рэйвен, срывая с плеча дробовик. — Именем Отца, и Сына, и Святого Духа, а также двенадцатого калибра — выселяю тебя нахуй!

Бес-мочалка завизжал и метнулся в сторону кухни. Азель вздохнул, щёлкнул пальцами — и бес превратился в пепел, даже не долетев до газовой плиты.

— Зачем ты это сделал? — нахмурилась Рэйвен.

— Потому что он мелкий и раздражающий. Как твой характер.

— Я про экономию патронов. Теперь труп нужно будет оформлять как несчастный случай. Тащи бензин.

Азазель поморщился. Когда-то, три тысячи лет назад, он был генералом легионов Ада. Пали ниц короли. Горели города. А теперь он стоял в квартирке с обоями в цветочек и тащил канистру, потому что сумасшедшая монашка привязала его жизнь к своей.

Как это случилось? Проклятая ловушка. Рэйвен вырезала на его сердце руны раньше, чем он успел сжечь её вон ту противную церквушку. Теперь, если Рэйвен умрёт — Азазель превратится в статую из соли. Если Рэйвен чихнёт — у него лопаются сосуды в глазах. Если Рэйвен выпьет недостаточно воды — у Азазеля начинается судорога. Он был буквально её биологическим приложением.

Сверху раздался рёв. Из туалета вывалился сам Вертидус — демон третьего круга, здоровенный, с рогами и, почему-то, в женском халате с леопардовым принтом. Видимо, вселился в хозяйку квартиры, а потом переполз на мужа. Бывает.

— Вы не пройдёте, слуги Галилейского! — проревел Вертидус. Его глаза светились красным, а изо рта вырывалось

пламя. Пламя подожгло ковёр на стене. Ковёр с оленями.

Рэйвен закатала рукава рясы. На её предплечьях были видны татуировки: пентаграммы, имена падших ангелов и одна жирная надпись «ХАЛК» на бицепсе. Она смачно сплюнула на пол.

— Азик. Фулл-контакт.

Азазель снова вздохнул. Он хотел когда-то соблазнять монашек, пить их кровь и играть на арфе из человеческих нервов. Сейчас он играл по правилам.

Он шагнул вперёд, и комната наполнилась холодом. Вертидус попятился. Между демонами существовала иерархия. Вертидус был так себе, районный. Азазель — тот ещё олигарх преисподней.

— Слушай сюда, рогатое ничтожество, — сказал Азазель, поигрывая золотым перстнем. — У тебя есть два варианта. Либо ты добровольно покидаешь тело этого... мужчины, и возвращаешься в Ад с жалованием за две недели. Либо я лично загоняю тебя обратно через твою собственную задницу. Выбирай быстрее, у меня в семь вечера спа-процедуры.

Вертидус зарычал. Он метнул в Азазеля огненный шар. Азазель даже не уклонился — шар рассыпался искрами за метр до его идеального носа.

— Ну всё, — устало сказал Азазель. — Ты сам напросился.

Он щёлкнул пальцами второй раз за вечер. Вертидус взвизгнул — его тело стало прозрачным, а потом его словно всосало в бетонный пол. Тело мужчины в трусах обмякло. Где-то внизу, в аду, раздался далёкий чавкающий звук падения.

Рэйвен поставила ногу на грудь спасённого. Он закашлялся, открыл глаза и увидел суровую монашку с дробовиком.

— С-спасибо, сестра, — прошептал он.

— Не сестра, а твоё счастье, что живой, — ответила Рэйвен. — Кто тебе кулон с лягушкой подарил? Это был сосуд для вселения.

— Д-девушка с Tinder...

— Золотое правило, сын мой, — вздохнула Рэйвен. — Ес-

ли девушка на фото обнимает змею и у неё нет зрачков — свайпай влево.

Они вышли на лестничную клетку. Азазель достал зеркальце и поправил чёлку.

— Я мог бы убить тебя во сне, знаешь, — небрежно бросил он.

— Не мог бы. Проснусь — и ты соль. Хочешь проверить?

— Нет, — быстро сказал Азазель. — Кстати, у меня кончился шампунь.

— В смысле шампунь? Ты — демон. Ты должен питаться страданиями человечества, а не мыть голову кокосовым экстрактом.

— У демонов тоже есть стандарты. И кстати, когда мы в последний раз ели? Я не про твою постную кашу, а про нормальную пиццу.

Рэйвен усмехнулась. Она достала из-за пазухи мятый кусок чесночного багета и откусила половину.

—Лови.

Азазель поймал багет с брезгливым восхищением. Чеснок, кстати, его не убивал. Это был миф. Правда, от него хотелось чихать, и чих Азазеля стоил прохожим на три квартала вокруг ночных кошмаров.

— Слушай, — сказал Азазель, жуя. — А что, если мы откроем своё агентство? «Рэйвен и Азик — охотники на демонов». Можно брать деньги.

— Мы и так берём. Натурой. — Рэйвен похлопала по карману, откуда торчала бутылка дешёвого виски. — И совесть спасаем. Мою — от гордыни, твою — от полной жопы.

— Мою совесть давно черти на завтрак съели. О, кстати, про чертей — завтра в торговом центре завелась суккуба. Красивая, наверное.

Рэйвен замерла. Повернулась к нему. Её серые глаза сузились.

— Азик. Ты хочешь на неё посмотреть?

— Я? Нет. Что ты. Я просто... профессиональный интерес. Изучение врага.

— Если ты не вытрахаешь из этой суккубы информацию о том, кто стоит за последними нападениями — я заставлю тебя молиться.

— Я не умею молиться.

— Научу. У меня есть чётки. Очень твёрдые.

Азазель нервно сглотнул. Чётки он помнил. В прошлый раз они оставили на его идеальной спине синяки в виде католических крестов.

Они спускались по лестнице. Рэйвен впереди, дробовик на плече. Азазель сзади — и любой, кто видел их со стороны, мог поклясться, что у этого длинноволосого красавчика поводок не просто на шее, а ещё и глубоко в душе. В той её части, которая когда-то умела бояться.

— Рэйвен, — тихо сказал Азазель уже на улице.

—М?

— Спасибо, что не дала мне сгореть той ночью. Когда твоя церковь рухнула.

Рэйвен не обернулась. Но Азазель заметил, как чуть дрогнули её плечи.

— Ты полезный инструмент, Азик. — Она пнула пустую банку. — Инструменты не бросают.

— Ага. — Он улыбнулся краешком губ. — Инструменты с кокосовым шампунем.

— Заткнись, — беззлобно сказала Рэйвен. — Пошли. Суккуба в «Леруа Мерлен» не сама себя убьёт.

— А я думал, суккубы водятся в секс-шопах.

— Эта — в отделе сантехники. Проблемная. Строит всех мужчин, которые приходят за унитазами.

Азазель покачал головой. Ад меняется. И, что самое странное, ему, кажется, начинает нравиться этот странный, грешный и такой человеческий мир. Особенно когда рядом идёт психопатка в рясе, от которой пахнет порохом и мятным леденцом.

Она его единственный билет к жизни. Но иногда он ловит себя на мысли, что готов умереть ради того, чтобы уви-

деть, как она смеётся. По-настоящему. Не тем злым смехом во время экзорцизма, а простым, человеческим.

Впрочем, об этом Азазель решил помалкивать. Демонам не положено. А монашкам — тем более.

Визуалы

Азазель. В человеческом виде

Обращенный в демона.

Глава 2. До того, как мир пошёл по одному месту

Рэйвен не всегда была монашкой. И уж точно не всегда носила дробовик под рясой.

Раньше её звали Рита. Рита Картер — девушка из Кливленда, которая в шестнадцать лет крала сигареты из круглосуточного магазина, а в восемнадцать — поступила в художественный колледж, потому что умела рисовать черепа лучше, чем считать налоги.

А потом пришёл он...

Маленький демон. Не тот, кого показывают в фильмах — с рогами и копытами. Тот был тихим. Поселился в её младшем брате, Дэнни. Дэнни было двенадцать, он любил «Спанч Боба» и коллекционировал жуков. А потом он начал говорить на арамейском и выворачивать кошкам шею.

Экзорцисты не помогли. Священники бежали после первого же сеанса — у одного из них пошла носом кровь, вто-

рой начал рыдать и повторять имя своей умершей жены. Рита смотрела, как брата привязывают к кровати, а он смеётся чужим голосом и называет её «сучка».

— Ты не спасёшь его, — сказал ей последний священник, вытирая рясу. — Это высокоуровневый. Нужен кто-то, кто не боится умереть.

Рита не боялась. Она боялась только одного — что Дэнни больше не улыбнётся.

На следующую ночь она сожгла свою студенческую общагу. Не специально — просто забыла свечу на Библии, которую читала впервые в жизни. Пожарные вытащили её из горячей комнаты. Она держала в руках крест, содранный со стены.

— Девушка, вы в порядке? — спросил пожарный.

— Я хочу стать монашкой, — сказала она. Она сказала это с таким отстранённым выражением лица и монотонным голосом, что

пожарный перекрестился. Не от религиозного чувства — от страха.

Орден, в который она попала, не входил в официальный реестр Ватикана. Это были изгои, фанатики и те, кому было нечего терять. Их называли «Вера Чёрной Мессы» — хотя сами они предпочитали «Оперативная группа по борьбе с астральным засильем». Там не было монахинь и монахов к которым мы с вами привыкли. Не было людей общей веры. Это место было настолько разнообразно в своем виде, что вы такого не видели. Христианство, ислам, иудаизм, буддизм, индуизм, сикхизм, джайнизм, традиционные религиозные верования – это все про «Веру черной Мессы». Все они были разные, но объединяло их одно – это борьба со злом. Реальная борьба. Да, способы были разные, но цель была одна.

Игуменья, сестра Агата, была женщиной с лицом, которое пережило три войны и одного мужа-алкоголика. А еще она была главной в женском корпусе монастыря. Сестра Агата посмотрела на Рэйвен (новое имя, старое горе) и сказала:

— У тебя в глазах ад. Это хорошо. Ад мы умеем лечить.

— А брата моего сможете? — спросила Рита-Рэйвен.

— Нет. — Агата даже не отвела взгляд. — Его уже нет. Там сидит Азазель. Демон-генерал. Мы не можем его выгнать. Но мы можем тебя научить, как его вытащить и запелить в клетку.

— Какую клетку?

— В его собственном теле. И привязать к тебе.

Рэйвен тогда не поняла, что это значит. Она согласилась.

Четыре года тренировок. Она училась стрелять, молиться, вскрывать грудные клетки демонов без наркоза и читать на латыни так, чтобы у бесов сворачивались яйца. Она потеряла два пальца на левой руке (приросли после святых мощей, но всё равно ноют к дождю) и обрела дар видеть сущности. Каждую ночь ей снился брат. Дэнни стоял за стеклянной стеной и молчал. А за его спиной кто-то ухмылялся.

На четвёртый год Агата сказала:

— Пора. Иди в Кливленд. Твой брат всё ещё там. Демон никуда не делся — он врос в тело как клещ. Ты должна вытащить его.

Рэйвен взяла дробовик. И поехала.

Глава 3. Операция «Азик»

Дэнни было уже шестнадцать. Он жил в подвале дома своих родителей — мать спилась, отец сбежал. Тело мальчика было худым, бледным, а глаза горели чёрным огнём.

— О, — сказал Азазель устами Дэнни. — Снова ты. Рыжая сучка. Пришла поцеловать братца?

— Я пришла вытащить тебя, — спокойно сказала Рэйвен.

— Вытащить? Детка, я здесь король. Эта тушка моя уже четыре года. Ты опоздала.

— Я не опоздала. Я ждала, когда ты укоренишься достаточно глубоко, чтобы не сбежать.

Азазель впервые замер. Что-то было не так.

Рэйвен вытащила из рясы кинжал. Не простой — с рунами, выкованными в кузнице самого Святого Петра (пьяница, но кузнец гениальный). Она полоснула себя по ладони. Кровь закапала на пол, и комната наполнилась запахом озона.

— Что ты делаешь? — спросил Азазель, и в его голосе впервые прозвучало не любопытство, а тревога.

— Ритуал связывания. — Рэйвен улыбнулась. Это была страшная улыбка. — Ты выйдешь из него. И войдёшь в меня. Но не как в сосуд. Как в раба.

— Ты безумна! — Азазель рванулся, но тело Дэнни вдруг обмякло — на полу загорелась пентаграмма.

— Я сожгу твою душу!

— Не сожжёшь. Руны на моём сердце. Если я умру — ты станешь солью. Будешь стоять статуей в преисподней, и черти будут писать на тебе «здесь был Вася».

Азазель зарычал. Он пытался вырваться, но цепи из све-

та опутывали его сущность. Рэйвен шагнула в круг. Её руки тряслись, но глаза были сухими.

— Ты проиграл, красавчик. Договор такой: ты работаешь на меня. Я не даю тебе превратиться в натрий хлор. Идёт?

— Пошла ты.

— Идёт. — Она наступила на пентаграмму. Вспышка. Боль. Крик, который длился три минуты, а слышал весь квартал.

Когда всё закончилось, Рэйвен стояла на четвереньках и блевала кровью. Её сердце билось в ритме, который не принадлежал только ей. Где-то внутри, за ребрами, пульсировало чужое сознание.

— Ты... чокнутая... — прохрипел голос в её голове. Голос был красивым. Раздражающе красивым.

— Знаю, — выдохнула Рэйвен. — Теперь заткнись, я пытаюсь не умереть.

Она повернулась к Дэнни. Он лежал на полу — худой, бледный, но с нормальными глазами. Живой.

— Дэнни? — прошептала она.

— Рита? — Он моргнул. — Мне снился плохой сон. Очень долгий.

Рэйвен заплакала. Впервые за четыре года..

Визуалы

Рита или Сестра Рэйвен

Глава 4. Правила общежития

Дэнни выжил. Он не помнил почти ничего — только вкус серы и голос, который смеялся. Его отправили к тётке в Миннесоту. Рэйвен не поехала с ним. Она не могла.

Потому что внутри неё жил Азазель. И с каждым днём он становился всё настойчивее.

— Дай мне тело хотя бы на час, — шептал он по ночам. — Я просто хочу почесаться. Ты не представляешь, как зудит быть привязанным к монашке.

— Почешись душой, — отвечала она.

— У меня нет души. Есть рога, копыта и огромное желание выпить мартини.

Рэйвен попыталась вернуться в монастырь. Агата встретила её на пороге.

— Ты сделала это? — спросила игуменья.

— Да.

— Ты привязала демона-генерала к своему сердцу?

— Да.

— Ты идиотка, Рэйвен. — Агата перекрестилась. — Но идиотка с гранатой в руке. Теперь ты — оружие. Идём. У нас есть работа.

Оказалось, что мир полон демонов. Не всех можно изгнать молитвой. Некоторых нужно убивать. И для этого нужен тот, кто понимает их логику. Азазель понимал.

— Это Мельхиор, — сказал Азазель в первую же миссию, когда Рэйвен столкнулась с демоном, вселившимся в учителя математики. — Он боится повторения таблицы умножения. Не спрашивай. Просто кричи «шестью восемь — сорок восемь» и стреляй.

Рэйвен кричала и стреляла. Сработало.

Так началась их охота.

Первые месяцы были адом. Буквально.

Азазель не умел молчать. Он комментировал каждый её шаг, каждую молитву, каждый глоток кофе.

— Ты пьёшь слишком горячий. Обожжёшь пищевод. Потом не сможешь кричать экзорцизмы.

— Заткнись.

— А вот это грубо. Я, между прочим, генерал. У меня под началом были тысячи грешников.

— А теперь у тебя под началом — мой левый носок. Принеси.

И он приносил. Потому что не принести не мог — если Рэйвен чувствовала неповиновение, руны начинали жечь его сущность. Не больно. Обидно.

Однажды он сказал:

— Слушай, а давай заключим сделку. Ты меня иногда отпускаешь в астрал на часок, я тебе помогаю находить особо жирных демонов. Идёт?

— Зачем тебе в астрал?

— Повидаться с бывшими. — Он помолчал. — Ладно, просто хочу пожаловаться Сатане на условия труда. Он хоть посмеётся.

Рэйвен согласилась. Так появился их первый негласный договор: один час свободы в неделю. За это Азазель рассказывал, где водятся демоны, какие у них слабости, и какой из них недавно обидел важного клиента.

— Ты становишься полезным, — сказала Рэйвен через полгода.

— Я всегда был полезным. Ты просто не умела слушать.

— Я не умела слушать демонов. Это разные вещи.

Глава 5. Цель

Однажды ночью, после особенно жестокой охоты (суккуб в детском саду — даже Азазель поморщился), Рэйвен сидела на крыше заброшенного склада и курила. Демон внутри неё молчал. Необычно.

— Азик, — сказала она. — Ты когда-нибудь задумывался, зачем мы всё это делаем?

— Чтобы ты не умерла от скуки и я не превратился в солонку?

— Нет. — Она выпустила дым. — Я хочу найти того, кто открыл портал в мой мир. Демоны не лезут просто так. Кто-то их зовёт. Кто-то платит. Я хочу найти этого «кого-то».

— А потом?

— А потом я воткну ему в сердце распятие. Или ты воткнёшь. Мне всё равно.

Азазель помолчал. Потом сказал тихо, без обычного сарказма:

— Это самоубийство. Те, кто открывают порталы — не люди. Или почти не люди. У них есть покровители среди Князей Тьмы.

— Тем лучше, — Рэйвен потушила сигарету о бетон. — Я хочу добраться до самого верха. До того, кто разрешил демонам жрать души детей. До того, из-за кого мой брат потерял четыре года жизни.

— А если этот «тот» — я? — спросил Азазель.

Рэйвен не ответила. Просто положила руку на грудь, туда, где билось два сердца — её и его.

— Тогда ты первый, кто умрёт. А потом я сама пойду дальше.

Внутри неё что-то дрогнуло. Азазель не ответил. Но с то-

го дня он стал охотиться с ней так, будто и сам хотел найти ответ.

Потому что, может быть — только может быть, — он начал понимать: эта сумасшедшая монашка с дробовиком — единственное существо в двух мирах, которое видит в нём не демона, не оружие и не раба. А кого-то, кто тоже потерял всё.

Впрочем, он никогда ей этого не скажет.

Она его засмеёт.

А потом заставит таскать бензин.

Глава 6. «Леруа Мерлен», отдел сантехники или кот, который слишком много знал

Рэйвен проснулась от того, что кто-то нежно гладил её по голове. Нежно, но с таким чувством, будто проверял, не умерла ли она.

— Отвали, Азик, — прохрипела она, не открывая глаз.

— Ты храпела. Я подумал, что у тебя остановка дыхания. Во сне. И тогда я — соль. Так что я не проявлял нежность, я проявлял медицинскую необходимость.

— Ты гладил меня!.

— Ты бредила. Кричала «Дэнни, не ешь ту кошку». У тебя проблемы.

Рэйвен наконец открыла глаза. Азазель сидел на краю её

кровати (когда он туда залез?) и держал в руке чашку чёрного кофе. Дымящегося. С корицей. Её любимый.

— Ты... сделал мне кофе?

— Демон сделал тебе кофе. Ад похолодел. Запиши это в свой дневник экзорциста. — Он поставил чашку на тумбочку. — Там ещё бутерброд с сыром. Я не умею готовить, поэтому сыр просто лежит на хлебе. Но он дорогой. Украл в супермаркете, пока кассирша крестилась.

Рэйвен села. Потёрла лицо. В груди всё ещё пульсировало два ритма — её и его. Иногда она забывала, где кончается она и начинается он.

— Спасибо, — буркнула она.

— Не благодари. Я просто инвестирую в своё выживание. Ты голодная — ты злая. Ты злая — ты забываешь дышать. Ты забываешь дышать — я соль.

— Ты уже говорил про соль.

— Потому что это травма. Ты даже не представляешь, как унижительно быть статуей. Черти пьют на тебе пиво.

По пути в «Леруа Мерлен» Азазель был подозрительно весел. Он напевал что-то на арамейском (оказалось, реклама шампуня времён Вавилонской башни) и поправлял волосы в каждом отражении.

— Ты что, на свидание собрался? — спросила Рэйвен.

— Я на задание. Внешний вид — часть успеха. Суккубы реагируют на эстетику.

— Суккубы реагируют на член.

— Рэйвен! — Азазель прижал руку к груди. — Ты ранишь мои чувства. У меня их нет, но если бы были — ты бы ранила.

В «Леруа Мерлен» было воскресенье. Пенсионеры выбрали унитазы, молодые пары спорили о плитке, а в дальнем

углу, возле витрины с сифонами для раковин, стояла Она.

Суккуба была высокой, брюнеткой, с ногами от шеи и в облегающем платье, которое, казалось, было нарисовано на ней. Она рассматривала смеситель с таким видом, будто решала, стоит ли соблазнять его или сначала помыть.

— Это она? — шепнула Рэйвен.

— Она, — ответил Азазель. Сказал он воодушевленным голосом.

Рэйвен почувствовала, как что-то горячее и иррациональное поднимается от желудка к горлу. Она не знала, как это называется. Она никогда не ревновала. Даже к брату. Даже к Богу.

— Иди, поговори с ней, — сказала она сквозь зубы. — Ты же у нас специалист по демонскому этикету.

— А ты?

— А я пока поищу, где тут продают динамит.

Суккуба обернулась. У неё были фиолетовые глаза и улыбка, от которой у мёртвого встало бы.

— Азазель, — мурлыкнула она. — Какая встреча. Ты ли это? Тот самый генерал, который теперь ходит на поводке у монашки?

— Лилит, — кивнул Азазель. — Ты всё такая же... токсичная.

— А ты всё такой же красивый. — Она провела пальцем по его груди. — Как же ты тут оказался? Пришёл извиниться, что не позвонил последние три тысячи лет?

— Пришёл узнать, кто открывает порталы.

Лилит рассмеялась. Смех был похож на звон разбитых бокалов.

— Прямо так сразу? Без прелюдий? Ты испортился, Ази. Раньше ты хотя бы делал вид, что я тебе интересна.

— Ты была интересна ровно два вечера в первом веке до нашей эры. А потом ты украла мою колесницу и продала её римлянам.

— У неё были хорошие колёса.

— Лилит. — Азазель шагнул ближе. Его голос стал тише, опаснее. — Я не играю. Моя хозяйка — психопатка с дробовиком. Если я не принесу ей информацию, она пристрелит тебя, а потом заставит меня запивать это виски. А я не хочу запивать. У меня режим.

Из-за стеллажа с ваннами вышла Рэйвен. Она держала в руках унитазный ёршик. Не как оружие, а как намёк.

— Привет, шлюха, — сказала она Лилит. — Рассказывай про порталы, или я сделаю из тебя бронзовую статуэтку для дачной уборной.

Лилит скрестила руки под грудью. Оценила монашку. Оценила дробовик. Оценила ёршик. И решила, что жить — это хорошая стратегия.

— Ладно, — сказала она. — Есть один смертный. Колдун. Работает на Князя Преисподней Вельзевула. Зовут Абрахас. Он открывает порталы в обмен на бессмертие. Качество хреновое — демоны часто выпадают не в тех телах, но дёшево и сердито.

— Где его найти? — спросила Рэйвен.

— Я не знаю. Он прячется. Но его фишка — он использует котов как ретрансляторы. Коты видят порталы. Если кот долго смотрит в одну точку и шипит — там скоро откроется дыра.

— Ты серьёзно? — Азазель поднял бровь.

— Абсолютно. Это самая дебильная магия, которую я видела. Но работает. — Лилит усмехнулась. — Вельзевул любит кошек. Иронично, да?

Рэйвен опустила дробовик. На секунду. Этого хватило, чтобы из-за стеллажа вылетел кот.

Обычный рыжий кот, толстый, с оторванным ухом. Он

нёсся прямо на Лилит, глаза горели зелёным огнём, а из пасти шла сера.

— Ой, — сказала Лилит. — Кажется, это мой информатор. — Только зачем ты вселился в кота?

Кот приземлился на плечо суккубы, выпустил когти и зашипел. Но шипел он не на Рэйвен. Он шипел на Азазеля. Голосом, который явно не принадлежал кошачьей глотке.

— Азазель, предатель. Ты нюхаешь её грехи. Мы знаем.

— О, заткнись, Бархат, — устало сказал Азазель. — Ты и сам не лучше, посмотри на себя, ты простой блохастый кот.

— Я не кот. Я — посланник.

— А я — аллергик. Слезай с бабы, пока я не превратил тебя в ковер персидский.

Рэйвен не стала ждать. Она выхватила святую воду из кармана рясы и плеснула в кота. Кот заорал — не по-кошачьи, а так, что в соседнем отделе с красками упали банки.

— Азик! Работаем! — крикнула она.

— Что значит «работаем»? Это кот! Ты хочешь, чтобы я изгнал демона из кота?

— Да! Быстро!

— Это унижительно! Я изгонял из королей! Из пророков! А теперь из рыжего ублюдка!

— Азазель! — Рэйвен схватила его за грудки и притянула к себе. — Если этот кот умрёт, я сделаю так, что ты будешь мяукать до конца своих соляных дней. Понял?

Он понял.

Азазель закрыл глаза. Положил ладонь на голову кота. Кот бился, плевался серой, но демон внутри него вдруг замер.

— Выходи, — тихо сказал Азазель. — Выходи по-хорошему. Или я расскажу Вельзевулу, как ты проиграл в покер Люциферу и отдал свой трон за бутылку абсента.

Кот чихнул. Из его пасти вылетело что-то чёрное, жирное, похожее на переваренную карамель. Эта штука повисела в воздухе секунду, а потом растворилась с противным хлюпаньем.

Кот открыл глаза. Обычные, кошачьи, жёлтые. Он посмотрел на Рэйвен, потом на Азазеля. И сказал:

— Мяу.

Обычное «мяу». Никаких демонов.

— Спасла, — выдохнула Рэйвен. — Животинку спасла.

— Ты идиотка, — сказал Азазель, вытирая руки о джинсы. — Мы только что провели экзорцизм коту. В «Леруа Мерлен». Это войдёт в анналы.

Кот ткнулся носом в ногу Рэйвен. Она наклонилась, почесала его за ухом.

— Ты присмотришь за этим котом, раз уж твой информатор в него вселился!— сказала она Лилит. — И если увидишь ещё раз этого Абрахаса — скажи ему, что за ним идёт монашка с пушкой. И её домашний демон-красавчик.

— Домашний? — возмутился Азазель.

Глава 7. Ревность, которую никто не признает

- Ну, а чем не домашний? – сказала Лилит и обвилась вокруг Азазеля, как змея. – За животинкой присмотрю, давно хотела рыжего домашнего котика, да и от демонического питомца я бы тоже не отказалась...

Её пальцы скользнули по его рубашке, расстегнули ещё одну пуговицу, обнажая гладкую грудь с едва заметным шрамом — следом от руны Рэйвен.

— Бедный Ази, — мурлыкнула суккуба, прижимаясь бёдрами к его ноге. — Ты ходишь на поводке у этой... как её... недотраханной монашки. Она же не даёт тебе даже почесаться. А я могу дать всё.

Рэйвен застыла. Её пальцы сжали дробовик так, что дерево затрещало.

—Я оставлю вас наедине..- Рэйна отошла к стелажу с унитазами. - Идиотка, — прошептала она себе под нос. — Плевать. Мне плевать. Это мой инструмент.

Но в груди, там, где билось два сердца, закипало что-то

чёрное и липкое. Она не знала этого чувства. Даже когда Дэнни отдали в интернат — не было так больно. Даже когда мать сказала «ты мне не дочь» — не было так горячо.

Азазель не отстранился. Он даже улыбнулся — той опасной улыбкой, от которой в аду падали ниц.

— Лилит, — сказал он тихо. — Ты прекрасна. Как всегда. Как грех. Как отравя.

— Так возьми меня, — прошептала она, проводя языком по его шее. — Прямо здесь. За смесителями. Я заставлю тебя забыть её имя.

— Вот тут ты ошибаешься, — Азазель вдруг взял её за запястье и аккуратно, но твёрдо отвёл руку. — Я не могу забыть то, что вросло в мою сущность. Эта «недотраханная монашка» — моя жизнь. Буквально. И знаешь что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.